

— Именно потому, что Юй Минцзян выпил тот суп и стал вести себя так странно, я к нему не притронулся, — пробормотал Ван Хуэйчэн, дрожа всем телом.

Его явно была крупная дрожь — то ли от холода, то ли от страха. Он обхватил себя руками, а затем, недолго думая, подхватил стоявшего рядом Сяо Хэна и усадил к себе на колени, пытаясь согреться теплом ребенка.

Сяо Хэн, застигнутый врасплох столь внезапным объятием, лишь растерянно моргнул.

Цзин Бай едва не рассмеялся, но сдержался и, сохраняя невозмутимое лицо, спросил:

— Что именно в поведении Юй Минцзяна изменилось после того, как он выпил суп?

Тепло ребенка, казалось, немного успокоило Ван Хуэйчэна, хотя голос его всё ещё подрагивал:

— Мы уже собирались спать. Нам принесли этот суп, но мы не стали его пить и просто оставили на столе. А потом Юй Минцзян пожаловался, что у него разболелись зубы от жара, и он никак не может уснуть...

Юй Минцзян встал с кровати, взял миску с супом из зимней дыни и сделал глоток. В ту же секунду выражение его лица резко изменилось: он закрыл глаза и замер, с блаженной улыбкой смакуя вкус.

Ван Хуэйчэна это насторожило.

— Неужели эта гадость настолько вкусная? — спросил он.

Юй Минцзян внезапно распахнул глаза и впился в него горящим взглядом.

— Очень вкусно. Попробуй и ты, — сказал он.

Ван Хуэйчэн инстинктивно почувствовал неладное. Он уже устроился в постели, поэтому отмахнулся:

— Не хочу, я спать собираюсь.

Но Юй Минцзян не унимался. Он не сводил с него остекленевшего взгляда и, словно сломанный магнитофон, монотонно повторял:

— Попробуй, ну попробуй. Этот суп такой вкусный, такой вкусный.

Ван Хуэйчэна пробрала такая жуть, что волосы на затылке зашевелились. Он накрылся одеялом с головой и закричал:

— Не буду я пить! Я спать хочу, отстань от меня!

Прячась под одеялом, он напряженно прислушивался к тому, что происходит в комнате. Юй Минцзян немного походил по помещению, а затем послышалось громкое чавканье и глотание — он с наслаждением уплетал суп. Ван Хуэйчэн никогда бы не подумал, что звуки еды могут звучать настолько пугающе. Он ждал целую вечность, пока в комнате наконец не воцарилась полная тишина.

Ван Хуэйчэн не решался уснуть. Сложив руки на груди, он считал удары собственного сердца. Прошло немало времени, прежде чем он осмелился выдохнуть: снаружи было тихо.

Наверное, Юй Минцзян уснул, подумал он и приоткрыл краешек одеяла, чтобы выглянуть наружу.

В узкой щели он увидел пару глаз, которые в упор смотрели на него.

Ван Хуэйчэн в ужасе отбросил одеяло и закричал:

— Ты что творишь? Ты с ума сошел?

Он кубарем скатился с кровати. Юй Минцзян всё так же стоял у изголовья, склонив голову набок. Лишь его зрачки следили за каждым движением Ван Хуэйчэна, а губы продолжали твердить:

— Иди попей, попей немного...

Ван Хуэйчэн едва не лишился чувств. Видя, что движения Юй Минцзяна неестественно скованны, он собрал всю волю в кулак и изо всех сил толкнул его.

Юй Минцзян, словно лишившись сознания, молча рухнул на пол. Ван Хуэйчэн долго не решался закрыть глаза, но под утро, измученный бессонной ночью, сам не заметил, как провалился в сон.

Когда он проснулся, Юй Минцзян уже был повсюду — его останки разлетелись по всей комнате. Ван Хуэйчэн был весь в крови и ошметках плоти, он был в таком шоке, что пришел в себя только к обеду.

— Ну, а дальше... вы сами всё видели, — закончил он, дрожа. Сяо Хэн в знак утешения похлопал его по плечу.

Мальчик стоял на стуле, чтобы дотянуться до плеча Ван Хуэйчэна, и Цзин Баю снова пришлось приложить усилия, чтобы не улыбнуться. Ван Хуэйчэн немного успокоился, и Цзин Бай решил спросить:

— Почему ты так бурно отреагировал на Сюфэн?

Он имел в виду тот момент, когда Ван Хуэйчэн подскочил, стоило Сюфэн подойти к нему. Это выглядело совершенно ненормально.

Ван Хуэйчэн вздрогнул:

— Не знаю почему, но мне кажется, что она очень опасна.

Гэн Сытянь возразила:

— Да ладно, мне кажется, ей нелегко — старуха-мать постоянно её обижает, такая бедняжка.

Юй Юэ отрезал:

— Бедняжка или нет, но она ведь тоже наверняка не живая? Двое мужчин и Матушка Чэнь — призраки, с чего бы ей быть человеком?

Гэн Сытянь стояла на своем:

— Почему нет? Именно потому, что она единственная среди них человек, её и гнобят!

Юй Юэ промолчал, хотя по его лицу было видно, что он не согласен. Сяо Хэн посмотрел на Цзин Бая, и тот прямо ответил:

— Она тоже не человек.

Он рассказал всем о том, как Сюфэн пела глубокой ночью. Лица присутствующих вытянулись — чем меньше живых людей оставалось в этом доме, тем опаснее становилось их положение.

Цзин Бай не собирался ничего скрывать и вместе с Сяо Хэном постарался воспроизвести слова песни, которую они не расслышали полностью. К сожалению, никто из присутствующих не понимал диалекта Сюфэн. Лишь Юй Юэ добавил одну деталь:

— Я знаю, что выражение старуха-мать в южных провинциях обычно используют для обозначения свекови.

Гэн Сытянь задумалась:

— Судя по моему опыту прослушивания музыки, это похоже на кантонский диалект. Но я не местная... не знаю, есть ли среди тех, кто ушел, выходцы из провинции Гуандун.

Ван Хуэйчэн удивленно посмотрел на Цзин Бая:

— А почему ты утром им об этом не сказал?

Не дожидаясь ответа Цзин Бая, Сяо Хэн сказал:

— Нельзя было.

Все невольно уставились на мальчика. В наступившей тишине детский голосок произнес слова, от которых кровь застыла в жилах:

— Когда вы все собрались в коридоре, она стояла в углу.

— Она всё время смотрела на нас.

Юй Юэ передернуло. Он вдруг вспомнил, что до того, как Сюфэн позвала их к столу, он ни разу не замечал, когда она появлялась.

Когда она вообще успела прийти в коридор?

Все онемели. В напряженной тишине Цзин Бай наконец нарушил молчание:

— Вернемся к песне, когда они вернутся вечером. А сейчас я хочу поискать в доме другие зацепки.

Он вопросительно посмотрел на Сяо Хэна, и тот легко спрыгнул со стула, семеня следом за ним. Они уже было направились к выходу, как Юй Юэ поспешно воскликнул:

— Подождите! Я с вами!

Оставшиеся мужчина и женщина, напуганные до смерти, поспешили следом. Они не отставали ни на шаг, и когда Цзин Бай остановился, чтобы что-то сказать Сяо Хэну, а затем дал Юй Юэ пару указаний и ушел вместе с ребенком, они бросились к Юй Юэ с расспросами:

— Почему они ушли?

Юй Юэ, бледный как полотно, прошептал:

— Старший сказал, что нам не справиться в одиночку, поэтому нужно разделиться. Они идут налево, мы — направо. Нужно найти кое-что.

Ван Хуэйчэн с тревогой спросил:

— Что искать?

Юй Юэ медленно перевел на него взгляд и, словно не веря в успех дела, тихо ответил:

— Голову... Юй Минцзяна.

Тем временем двое, взрослый и ребенок, шли бок о бок.

— Я сказал ему, чтобы они возвращались во двор перед домом, независимо от результатов, для обмена информацией, — спокойным тоном произнес Цзин Бай. Сяо Хэн лишь кивнул в ответ, его лицо оставалось бесстрастным.

Для своего возраста Сяо Хэн был на удивление рассудительным. Остальные члены группы не принимали его всерьез, из-за чего уважительное отношение Цзин Бая к мальчику выглядело довольно странно.

Их общение было естественным. Еще до того, как они разделились, Сяо Хэн быстро пришел к согласию с Цзин Баем: самое важное сейчас — найти кухню.

Все три улики, что у них были — банкет, суп из зимней дыни и расчлененное тело — указывали на еду. А место, где всё это могло происходить, — кухня, в которой они еще не были.

Ради безопасности они решили не приближаться ко второму этажу, откуда ночью доносились крики Матушки Чэнь, и вдоль крытой галереи направились вглубь поместья.

Дом был спроектирован вокруг главного двора, окруженного высокими стенами. Ряды боковых флигелей и внутренние дворики создавали ощущение простора, несмотря на замкнутость пространства.

Хотя кругом были стены, благодаря открытым дворикам здесь не было тесно. Возможно, в честь дня рождения Матушки Чэнь, под навесами галерей висело множество красных фонарей, которые должны были создавать праздничную атмосферу.

Но даже при дневном свете дом казался холодным и мрачным.

Кроме них двоих, здесь не было ни души. Не слышно было ни цикад, ни птиц. Лишь порывы ветра заставляли листву в саду шелестеть, а красные фонари под крышей — покачиваться из стороны в сторону, нагоняя жуткую тоску.

Все двери и окна во флигелях, мимо которых они проходили, были наглухо закрыты. Цзин Бай пробовал открывать их по пути, но ни одна не поддавалась. Это упрощало задачу, но им всё равно приходилось осматривать каждый уголок. Прошло немало времени, но они так и не нашли ни кухню, ни кладовую, ни голову Юй Минцзяна.

— Еще можешь идти? — спросил Цзин Бай, оглянувшись после очередного безрезультатного осмотра.

Сяо Хэн кивнул. Его щеки покраснелись, а челка прилипла ко лбу от пота. Цзин Бай услышал его учатившееся дыхание и вспомнил, что мальчику всего несколько лет — его выносливость была ограничена.

Сяо Хэн старался выровнять дыхание, и Цзин Бай нахмурился:

— Кухня, должно быть, где-то дальше. Ты сможешь идти дальше?

Мальчик кивнул и, ускорив шаг, вышел вперед, показывая, что готов продолжать. Цзин Бай уже было двинулся за ним, но внезапно остановился.

Он резко обернулся!

Позади него, неизвестно откуда, возникла стройная женская фигура.

Всё та же простая синяя блуза, платок в руках, покорный взгляд — Сюфэн выглядела такой хрупкой и слабой, но у Цзин Бая внутри всё сжалось от тревоги. Он отступил на шаг и тихо спросил:

— Госпожа, что-то случилось?

Сюфэн поклонилась:

— Я видела, что маленький гость устал. Не желаете ли выпить чаю и немного передохнуть?

Сяо Хэн и Цзин Бай переглянулись. Они не знали, что на уме у Сюфэн. Она не приближалась, лишь смотрела на Сяо Хэна своими влажными черными глазами — в них не было злобы, только мягкость.

Цзин Бай оставался настороже, но Сяо Хэн дернул его за край одежды. Цзин Бай понял его без слов, опустился на одно колено, и когда их глаза встретились, прошептал:

— Она пришла за тобой.

Сяо Хэн посмотрел на свои короткие ручки и ножки, и в его глазах промелькнуло что-то сложное:

— Я знаю. Но мне кажется, у неё нет злых намерений.

Они обменялись взглядами, Сяо Хэн кивнул и направился к Сюфэн.

Цзин Бай замер, сохраняя предельную бдительность, готовый в любой момент отразить атаку. Но Сюфэн не проявляла враждебности. Напротив, когда Сяо Хэн подошел ближе, на её лице расцвела искренняя радость.

С самого вчерашнего вечера в её глазах читалась лишь туманная печаль. Цзин Бай впервые видел, чтобы она так улыбалась.

Он смотрел, как она опустилась на корточки. Сяо Хэн что-то сказал ей, Сюфэн на мгновение заколебалась, словно приняв важное решение, и решительно кивнула. Сяо Хэн радостно рассмеялся, а Сюфэн ласково погладила его по голове.

Она действительно относилась к Сяо Хэну по-особенному. Если бы голова Юй Минцзяна до сих пор не нашлась, Цзин Бай почти поверил бы, что она человек.

Если считать вчерашнее предупреждение, это был уже второй раз, когда Сюфэн проявляла особую заботу о Сяо Хэне. Было ли это из-за того, что он ребенок, или причина крылась в чем-то другом?

<http://bllate.org/book/21799/2255667>